

А.А. Дворецкая

Авторский опыт изучения теории юридических фактов в римском праве

Понятие «юридические факты», выработанное прежде всего *пандектистикой* (течение, зародившееся в Германии в XIX в. и ставившее задачу определения фундаментальных принципов, общих теорий и их дальнейшее применение к германскому праву того времени для создания своего гражданского кодекса), как и понятие «юридическая сделка», основываясь на римских источниках, нашло отражение впервые в ст. 104–185 германского гражданского кодекса 1900 г. [1, 369; 2, 193–195]. Хотя впоследствии к теориям, выведенным пандектистикой, прибавились другие многочисленные общие теории римского права. Но романистика до сих пор не освободилась от неоклассического влияния пандектистики.

Буквально все последующие труды (в смысле *постпандектистика*) в исследовании юридических фактов в римском праве страдают осовремениванием исконного римского юридического знания. Они перегружены общими теоретическими размышлениями авторов о юридических фактах, чаще всего мало касающихся римского частного права. Их авторы «притягивают» представления «*prudentes*» к нашим теоретическим схемам. Это выглядит так, как будто готовые клише современной теории заполняют «римской фактурой».

Отсутствие четких представлений о правовом факте в римском праве обуславливает слабую задействованность в текстах современных (имеется в виду не римских) авторов многочисленных римских упоминаний именно о социальных фактах, имеющих значение для права. При выведении теории юридических фактов в римском праве следует исходить из того, что знание о юридическом факте в первую очередь есть знание о факте именно в этом ключе. Можно смело утверждать, что сведения о юридических фактах в римском праве, которые собраны современной (не римской) наукой, основаны исключительно на косвенных упоминаниях в римских текстах.

Следующая особенность романистики такова, что в текстах исследований (т.е. не в первоисточниках) встречается много латинских терминов не римского происхождения, появившихся в средневековье или позже, а соответственно не имеющих корней в римской правовой действительности. Это представляет для неискушенного в доскональном знании латинского языка нынешнего исследователя серьезную опасность в произвольной фальсификации первоначальных римских знаний. Чтобы избежать этого, для цивилиста в римском праве требуется особая лингвистическая подготовка.

Фрагментарность римских источников и отсутствие в них единой терминологии, даже приблизительной, обуславливает весьма настороженное отношение к переводу терминов касательно сделки и юридических фактов вообще, так как во многом приходится домысливать юридическую действительность Рима с позиций уже современного знания. Чем и определено неизбежное осовременивание римского знания, о котором упоминалось выше и которого нужно посылно избегать.

Необходимо учитывать также разницу в оперируемых терминах нашей правовой догматики и

итальянской, что не могло не отразиться на теории правовых фактов. Так, определенную сложность в изучении правовых фактов в римском праве представляет путаница в терминах в современной итальянской теории юридических фактов. Например, у Луиджи Капуано [3, 536–548] под фактами понимаются исключительно деяния (акты) (от латинского «facere» и итальянского «fare»). У большинства итальянских авторов правовые деяния ограничиваются правовыми актами, исключая категорию правовых поступков (находка клада). При переводе с русского на итальянский деяния, поступки и собственно акты переводятся одним термином – «atti». В итальянской доктрине поэтому деление деяний на поступки и акты выглядит как деление актов на чистые акты (акты) и другие акты, что близко к римскому пониманию правового деяния. Таким образом, современная итальянская теория правовых фактов в силу латинских корней итальянского языка ближе к римскому знанию о правовых фактах, нежели русскоязычная.

Все вышеуказанные факторы делают знания о правовых фактах в римском праве весьма и весьма относительными. Речь скорее идет о современной интерпретации юридических фактов в римском праве, нежели о воссоздании цельной римской по происхождению концепции этих фактов в римском праве. И если все-таки пытаться выявить нечто системное в римском праве, то надо начать с анализа его институтов во временном разрезе, в исторической эволюции, чтобы не затруднить понимание, какое знание характерно для римских юристов, а какое — для последующих. Учитывая отсутствие малейшей упорядоченности в представлениях самих римлян о том, что мы сейчас называем правовыми фактами, возможно, более полезными на начальном этапе исследования теории юридических фактов в римском праве были бы труды чисто описательного, казуистического характера. И только после этого кажется целесообразным переходить к написанию трудов синтетического (обобщающего) характера. Это позволило бы легко отличать современное представление о римском знании о юридических фактах от самого римского знания об этих фактах.

Так как эти знания латентны и колеблющиеся, то опасно создать однозначную формулировку понятий, учитывая огромное разнообразие как юридических актов, так и событий. Как отмечал Бьендо Бьенди, есть риск деформировать очертания юридических институтов, кроме того, риск пойти против духа римской юриспруденции [4, 177]. Как все логические конструкции, построенные в первую очередь теоретической правовой наукой, теория юридических фактов в римском частном праве должна быть схемой, по возможности упорядочивающей нормативные правовые ситуации, а не подменяющей реальную правовую реальность Древнего Рима.

В римском праве из юридических фактов в узком смысле, рассматривая их как огромную разношерстную массу, невозможно вывести одну общую теорию. В первую очередь созданию такой теории поддаются сроки и их правовые последствия. Во вторую очередь можно построить общую теорию для юридических актов, будь они правомерные (как сделки) или неправомерные [5, 23].

Все это не исключает возможности, что современная схема юридических фактов в римском праве может быть полезна для определения места и характеристики принципов и институтов, которые и в

римском праве тоже не ограничиваются отдельными отношениями, полезна для определения ориентации римской юриспруденции в отношении к общей проблематике [4, 177]. Но надо остерегаться преподнесения в качестве общих тех принципов и институтов, что имели ограниченное употребление даже у самих римлян. Так, один из спорных моментов как с исторической, так и с догматической стороны касается создания доктрины юридической сделки, исходя из принципа свободы волеизъявления, которая в римском праве не имела общего характера [4, 178].

Литература

1. *Voci Pasquale*. Istituzioni di diritto romano. Milano: A. Giuffre' editore, 1996.
 2. *Biondi Biondo*. Studi sul concetto di negozio giuridico secondo il diritto romano e il nuovo diritto germanico, in *Scritti*, 1.
 3. *Capuano Luigi*. Il diritto privato dei romani. V.1. Napoli: Stabilimento tipografico di Salvatore Marchese, 1881.
 4. *Biondi Biondo*. Istituzioni di diritto romano. Milano: A. Giuffre' editore, 1977.
 5. *Scapini Nevio*. Istituzioni di diritto romano: fatti e atti giuridici, tutela giuridizionale dei diritti. Parma: Casanova, 1992.
-